

Семен Вайнблат

Междометия

Миша любил рассказывать, как он сдавал Мирону Викторовичу экзамен по русскому языку.

– Перевалило за полдень. Захожу в класс последним. Все уже ответили, многие ждут друзей в коридоре. Некоторые одноклассники устремились к буфету. Экзамены экзаменами, а жрать, как говорится, хочется.

Мирон, как мы звали учителя между собой, уставший от желания хоть что-то вытянуть из расплавленных наших мозгов и уже изрядно проголодавшийся, отвернулся к окну. Я взял билет из середины облысевшей кучки и, даже не заглянув в него, сел на ближайшую, опозоренную тупыми надписями парту и начал готовиться к ответу.

Одним глазом следя за мной, Мирон медленно развернул на подоконнике «Одесский вестник», неслышно вытащил бутерброд с яичницей и колбасой и начал разрезать его перочинным ножичком на небольшие кубики. Потом быстро и, как ему казалось, незаметно отправлял их в рот. Стараясь не чавкать, он застыл в позе философа: прикрыл левой ладонью низ подбородка, обхватил щеки большим и средним пальцем. При этом его указательный палец располагался вблизи правого глаза. Все эти манипуляции он совершал только для того, чтобы я не видел, как двигается при каждом глотательном движении его огромный кадык.

Я делаю вид, будто ничего не замечаю, будто погружен в обдумывание вопроса. Класс давно не проветривался, и запах жареной колбасы щекочет ноздри. Я тоже голоден. Это немного раздражает. Но я беру себя в руки.

В билете, который я вытащил, первый вопрос – «Междометия». Это я знаю. Второй – правописание «не» и «ни». Это я вообще не помню. Третий – разбор предложения: «Ой, полным-полна коробушка». Нужно определить, к какой части речи относится каждое слово. И указать, из каких частей состоит сказуемое. Пока я думаю, Мирон дожевывает бутерброд. А я, не поднимая глаз от листка бумаги, записываю примеры междометий.

Проглотив последний кусочек, Мирон спрашивает:

– Готовы, или еще подумаете?

– Подумаю.

Мне нужно потянуть время. Я это чувствую интуитивно. Он поел и никуда уже не спешит. Я представляю, как кусочки колбасы медленно опускаются по его пищеводу и, булькая, тонут в желудочном соке. Мирон удобно усаживается на стул, закидывает ногу на ногу, бросает несколько быстрых взглядов в мою сторону. Не заметив ничего подозрительного, так как шпаргалкой я не пользуюсь, потому что ее у меня нет, он медленно закрывает глаза. Он блаженствует. Ему не до меня. Я чувствую, ему хочется хоть немного побыть в умиротворенном состоянии. Сейчас только от меня зависит, закончится его блаженство или нет. И я разрешаю ему покайфовать! Внутренне он, конечно, благодарен мне, но никак это не выражает. Через несколько минут, придвинув стул поближе к столу, он вновь спрашивает:

– Есть желание поделиться мыслями?

– Охотно, – отвечаю я тихим голосом, стараясь не потревожить тишину его чрева.

Я подробно и монотонно рассказываю, какие бывают междометия. Останавливаюсь на разрядах междометий. Стараюсь подбирать такие примеры, чтобы они ласкали ухо, звучали нежно, убаюкивающе, как шепот листьев, как дыхание весеннего ветерка. Готовясь отвечать, я отбросил такие резкие звукоподражательные междометия, как «р-р-р-р», «гав-гав», «кукареку» и им подобные, а оставил тихие, спокойные, навевающие дрему. Я вставлял междометия в сочиненные мной предложения:

– Пастух ласковой рукой погладил беленького барашка, и барашек так же ласково ответил ему... – и я шепотом проблеял вместо барашка: – «Б-е-е-е».

Следующее предложение звучало еще нежнее:

– Кот Васька напевно мурлыкал: «Мур-мур, мур-мур, мур-мур» – и терся пушистой мордочкой о мое колено. Кошка Мурка, сидя на кресле, почти шепотом ему вторила: «Мур-мяу, мур-мяу».

Каждое из междометий я произносил любовно, стараясь голосом передать всю прелесть общения с нашими меньшими братьями.

А затем примеры начали сыпаться, как из рога изобилия.

Мирон слушал, не открывая сомкнутых глаз. Мой обстоятельный ответ на первый вопрос звучал как колыбельная. Я чувствовал, что он в моей власти. Я уже отвечал минут пять и начинал понимать, что скоро мой пыл иссякнет. Он меня не перебивал, не задавал вопросов. Рот его чуть приоткрылся. Дыхание стало глубоким и спокойным. Неужели я его убаюкал? И даже не сделав паузы, я, пропустив второй вопрос, перешел к разбору предложения.

– Ой, полным-полна коробушка, – проворковал я напевно. И замолчал. Решил проверить свою догадку. – «Коробушка» – имя существительное, женского рода, единственного числа, именительного падежа, – я проговорил это медленно, членораздельно, внятно и спокойно. И снова замолчал. Он тоже молчал. У меня не было сомнений – он спал. Почти не дыша, я смотрел на него. Через минут пять я начал задумываться над тем, как мне выкрутиться из этого положения. Разбудить? Он поймет, что спал. И неизвестно, как прореагирует. Может обозлиться и попросит, чтобы я повторил ответ. Такой исход меня не устраивал.

Я охарактеризовал все слова предложения, кроме слова «ой». И вдруг меня осенило.

– Последнее слово, о котором я пока ничего не говорил, – медленно начал я, – это междометие.

Он не реагировал.

– Да, это последнее слово, о котором я пока еще ничего не сказал. Да, это самое последнее слово. Более последнего слова в моем ответе, чем это последнее слово, в данном предложении нет, хотя это последнее слово и стоит на первом месте, – импровизировал я. – И если бы это слово даже стояло в середине предложения, все равно оно оставалась бы междометием.

Мирон не шевелился. Чуть повернув голову направо, к окну, и не глядя на него, я, словно бросившись с мостика в холодную воду, громко и протяжно сказал:

– О-о-о-о-й!

Боковым зрением я увидел, что он пошевелился и открыл глаза.

Не поворачивая головы и устремив пристальный взгляд в окно, я повторил, но уже нормальным голосом:

– «Ой» – это тоже междометие. Но по сравнению с теми междометиями, о которых я говорил, отвечая на первый вопрос, оно не звукоподражательное, а выражает радость коробейника по поводу того, что его коробушка полным-полна.

И я решил повернуть голову и взглянуть на Мирона. Он тоже глядел на меня и старался понять, знаю ли я, что он спал. Мои глаза смотрели на него открыто, немного бессмысленно, словно я возвратился из страны междометий и только сейчас осознал, где нахожусь. Он понял, что такие глаза не могут врать.

– Пятерка.

– Спасибо, Мирон Викторович!

